

У.А. Берзиня

Рижский университет им. П. Страдыня (Латвия)

Традиционный политический язык в современной КНР

В современных политических текстах КНР большую роль играют элементы традиционного китайского политического языка. Этот феномен уже описан в работах китаеведов (см., напр. [1]), отмечавших, что традиционный китайский политический язык стал способом преобразования господствовавшего до 1978 года марксистского дискурса в его маоистском варианте в новый язык, соответствующий реалиям модернизирующегося Китая (этот тезис можно найти, например, в работах А.В. Виноградова [2; 3]). Целью данной публикации является попытка обсуждения данного феномена с точки зрения его политического смысла.

Само по себе включение элементов традиционного политического языка в современный политический язык КНР можно рассматривать как процесс естественный. Язык, передаваемый от поколения к поколению, содержит историческую и культурную лексику, а также способы построения фраз, которые запечатлены в структурах языка. Исследователи взаимодействия политики и языка подчёркивают, что социальная практика (в данном случае – китайская культурная среда с её особенностями и исторической памятью) сама влияет на политический язык [7, с. 73]. Поэтому единственный способ прервать процесс естественной передачи традиционной для культуры информации через язык состоит в отказе от использования данного языка вообще, что недостижимо на практике.

Однако естественно протекающий процесс «возвращения» к традиционному дискурсу можно отчасти конструировать с помощью осмысленных действий. Если проанализировать наиболее часто встречающиеся в современных политических текстах КНР традиционные для китайской политической культуры фразы, то можно отметить, что они подбираются вполне целенаправленно.

Большинство теоретиков-политологов, анализирующих конструирование политического дискурса, не работают с китайским материалом (см. [6; 7; 9]). В свою очередь авторы, исследующие политический язык

КНР, нередко весь сложный набор причин этого явления сводят к «разоблачению» КПК. Так американский ученый Го Инцзе – автор серьезного труда, основанного на обширной фактологической базе, редуцирует все причины использования традиционного политического языка в КНР до культурного национализма как вовне, так и внутри КПК (см. [8]), и в конечном итоге, к стремлению существующей власти укрепить своё положение. По нашему мнению, как в этом, так и в других подобных случаях исследованию традиционного политического языка в современном политическом дискурсе КНР мешают автоматически применяемые идеологические клише. Более того, тиражирующие подобные клише авторы доказывают очевидное, потому что любая власть по определению должна стремиться к сохранению своего положения.

Проанализировав некоторые примеры сознательно введённых в современную политическую риторику КНР и КПК традиционных политических фраз и словосочетаний (сам процесс анализа мы оставляем за рамками этой статьи), можно сделать вывод, что это явление имеет как минимум несколько политических смыслов. Назовём пять из них.

1. Традиционный китайский политический язык способствует уменьшению давления западного дискурса демократии и усилению альтернативного ему понимания политических процессов в категориях собственно китайской политической мысли, которую ещё И. Бичурин определял как «резервуар» для мировой культуры. Упомянем только два характерных примера: фраза «управлять государством с помощью *дэ* (*и дэ чжи го* 以德治国)» и фраза «рассматривать человека как корень (*и жэнь вэй бэнь* 以人为本)» (см. [4]).

2. Политический язык классического Китая является единым наследием всех представителей китайского народа безотносительно их партийной принадлежности, и потому призван консолидировать общество. Неслучайно, в последние годы особенно часто цитируется высказывание из «Лунъюя» «согласие – это драгоценность (*хэ вэй гуй* 和为贵)».

3. Традиционный китайский политический язык даёт возможность любому члену китайского общества ощутить свою причастность к единой культурно-исторической линии, и в силу этого может быть использован как инструмент для снятия внутреннего напряжения, вызванного резким социальным расслоением, обусловленным, в свою очередь, политикой реформ. Именно такую смысловую нагрузку несёт на себе вновь ставшее очень популярным древнее выражение «Поднебесная является общим [достоянием] (*Тянься вэй гун* 天下为公)» (см. [5]).

4. Традиционный китайский политический язык может быть эффективен для урегулирования отношений с китайской диаспорой, а также с Тайванем. Идея Дэн Сяопина об одной стране и двух системах, которая для многих китайцев, живущих за пределами КНР, неприемлема именно из-за того, что её выразителем стал коммунистический лидер, переформатированная с помощью конфуцианского языка «Лунъюя», теряет свои коммунистические коннотации. Именно такую роль призвана играть фраза *хэ эр бу тун* 和而不同, которую можно переводить по-разному, но в любом случае её значение сводимо к «объединению без унификации».

5. В области внешней политики, политический язык классического Китая позволяет терминологически более адекватно китайскому мироощущению формулировать общемировые задачи. Нетрудно заметить, что уже упомянутое выражение «объединение без унификации» может быть использовано как традиционная оболочка идеи многополярности мира.

Таким образом, сознательное использование традиционного политического языка в современной КНР имеет разные смыслы, векторы которых направлены в сторону внутренней и внешней политики Китая, а также нацелены на решение социальных задач.

Литература

1. *Аллаберт А.В.* Роль конфуцианства в модернизации Китая (конец XX – начало XXI в.) [Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук]. СПб., 2003.
2. *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2008.
3. *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты. М., 2006.
4. Дао дэ гуань тунлун. Пекин, 2002.
5. Сунь Чжуншань чандао «Тянься вэй гун». – Фудань дасюе ван. <http://www.rwfd.fudan.edu.cn/spirit/zhaohua/changdao.html>
6. *Fairclough N.* Analysing Discourse. Textual analysis for social research. L.–N.-Y., 2003.
7. *Fairclough N.* Discourse and Social Change. Cambridge, 1992.
8. *Guo Yingjie.* Cultural Nationalism in Contemporary China. N.-Y., 2003.
9. *Van Dijk, Teun A.* News as Discourse. L., 1988.